

Отзыв официального оппонента о диссертации

Григорьевой Наталии Евгеньевны

на тему

«ЭТНОНИМЫ В ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПСКОВСКИХ ГОВОРОВ)»,

представленной на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

по специальности 10.02.01 — Русский язык

Актуальность темы. Диссертация Наталии Евгеньевны Григорьевой посвящена изучению сложного феномена — отражению этнического самосознания в языке, определяющего формирование корпуса этнотипов и микроэтнотипов в диалектной лексико-семантической системе. Безусловную актуальность исследования определяет, во-первых, этнолингвистический подход, сочетающий проблематику этнографии и филологии. Поскольку объектом исследования являются этнотипы, автор закономерно обращается к проблеме этноса, проблеме, всегда стоявшей в науке очень остро: изучение этносов было и остается очень сложным и зачастую политизированным. При этом важнейшую роль для выделения этноса играет самосознание, то, как люди сами определяют себя и других. Тем самым проблематика изучения этноса основана прежде всего на анализе языкового материала, что делает работу лингвиста на эту тему особенно важной. Вторым фактором, определяющим актуальность работы, является системное изучение языковых явлений. Подробный анализ этнотипов в лексико-семантической системе, а также наблюдения за их функционированием в речи позволили автору сделать объективные выводы об отражении в языке этнического самосознания, об отношении людей к своему и другим этносам, формировании культурно-исторической памяти региона, установить универсальные и локальные оппозиции в языковом сознании говорящих.

Научная новизна и практическая значимость исследования. Научная новизна исследования обусловлена прежде всего его материалом: в основу диссертации лег достаточно большой массив данных, составивший этнотипикон псковских говоров. Особенностью региона, язык которого стал объектом исследования, является его пограничное положение, определившее этнически пестрый состав населения, обилие языковых и этнических

контактов. На формирование системы этнонимов и микроэтнонимов повлияли и историческое прошлое, и недавняя советская эпоха. С уверенностью можно сказать, что эти данные давно нуждались в осмыслиении. Богатый языковой материал, рассмотренный автором, отражает как исторические и социальные процессы в обществе, так и языковые процессы, характерные для языкового континуума данной территории. Однако возникает вопрос: почему автор ограничился анализом материала словарей и картотек и не провел собственное полевое исследование (например, в форме небольших интервью). Такое исследование, возможно, могло бы заполнить некоторые пустующие ячейки в этнонимической структуре, которые были обнаружены в ходе анализа материала.

Кроме того, автором **впервые** на материале псковских говоров сформировано этнонимическое поле и исследована его структура, что дополняет лингвистическую теорию поля; разработана оригинальная методика описания этнонимического материала. Таким образом, диссертационное исследование вносит вклад в этно- и антрополингвистику, теоретически обогащает лексикологию и диалектологию русского языка. Отдельно хотелось бы отметить **практическую значимость** диссертации, особенно в аспекте развития туристической концепции региона. Также работа содержит исторические реконструкции, которые важны для изучения истории псковского края и псковских говоров. Кроме того, в Приложении 3 представлены модели словарных статей для электронного регионального этнолингвистического словаря «Традиционный мир псковских крестьян», что обогащает диалектную лексикографию.

Обоснованность и достоверность научных положений и выводов. Обоснованность и достоверность полученных результатов обусловлена применением в диссертации широкого спектра методов: метода этнолингвистического анализа, метода наблюдения и описания языковых фактов, системно-структурного метода, а также элементов сравнительно-исторического и сопоставительного методов. Результаты диссертационной работы докладывались и обсуждались на многочисленных межвузовских и международных научных конференциях и научных семинарах.

Краткая характеристика основного содержания диссертации и замечания по работе.

Структура диссертационного исследования соответствует поставленным автором задачам. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списков использованной литературы, словарей и источников, а также трех приложений. Во Введении сформулированы проблематика и все необходимые предпосылки научной работы, задающие ее высокий уровень. В первой главе

автор обращается к научной дискуссии по проблеме этнонимии и формулирует собственный терминологический аппарат. В второй и третьей главах проводится исследование соответственно системы этнонимов и системы региональных микроэтнонимов. В Заключении обобщаются результаты работы.

Большую **теоретическую значимость**, несомненно, имеет Глава 1. В ней обобщена научная дискуссия по проблемам этнонимии, обоснована лингвокультурная значимость этнонимов, рассмотрена проблема соотнесенности этнонаима с называемым объектом. Единственное, что теоретический обзор могли бы очень украсить примеры из работ исследователей (с примерами многие выводы ученых воспринимались бы понятнее). Далее показано соотношение этнографии, этнологии и место лингвистики в связи с этими дисциплинами, рассмотрено понятие этнографизма и приводится связанная с этим термином дискуссия, разработаны основания рассмотрения этнонимов на стыке с этнографической лексикой. Чтобы включить этнонимы в состав этнографической лексики, автору пришлось расширить ее понимание, показав условность деления культуры на материальную и духовную, поскольку этнонимы находятся как раз на границе, означая одновременно и материальный объект, и определенные представления, стереотипы и т.п. — некую абстракцию, возможно, не имеющую материального выражения, но транслируемую как один из элементов культурной традиции.

Далее автор рассматривает классификации этнонимов — в основном предложенные этнографами, поскольку лингвисты, а особенно диалектологи таких классификаций не выстраивали. В конце параграфа автор предлагает свою классификацию этнонимов, выведенную из особенностей материала и опирающуюся на лингвистические основания (**этнонимы, региональные этнонимы и микроэтнонимы**).

Интересным аспектом этнонимической проблематики, рассмотренным автором в Главе 1, является соотношение этнонимов и имен собственных. Автор выбирает в качестве рабочей гипотезу В.И. Супруна, согласно которой «в структуре этнонаима может наблюдаться апеллятивно-онимическое взаимодействие» (с. 49). Жаль, что автор к этому больше не возвращается, хотя в Главе 3, где описаны микроэтнонимы, встречаются такого рода пограничные случаи. Так, например, заслуживают внимания контексты, где микроэтноним употребляется по отношению к конкретному лицу: *Вáська, скабáрь, был паст ухóм. Слан.* (с. 171); *Лат ышá Кувýрканцым звáли. Ён фсё мешáе рúские и лат ышские славá. Пыт.* (с. 203); *Я т ож е кайкун, прозвали т ак: я и по-лат ышски умею. Печ.* (с. 203). Кроме того, в контексте: *Тáмыча мóж на*

назва́ть бяля́нкай – бе́лую курóву, цыгáнка – чёрная курóва. (с. 88) — номинация **цыганка** скорее находится на границе апеллятива и имени собственного (клички), а не означает породу, выведенную в другом государстве. Точно так же вряд ли можно считать полноценным ксенонимом слово **полувéрка** ‘корова, купленная у сету’ — скорее это шутливое употребление, т.к. вряд ли сету занимались выведением особой породы коров (с. 164).

Во Главе 2 предложены основания для рассмотрения группы этнонимов в качестве этнонимического поля, представляющего собой иерархическую структуру этнонаименований (с. 60). Автором выделена ядерно-периферийная организация этнонимических единиц, обусловленная строгой иерархией, включающей в себя неравнозначные компоненты: ядро, околовядерное пространство (в отдельных случаях субъядерная зона) и периферия. Рассмотрение этнонимов в виде полярной структуры вносит значительный вклад в теорию поля, поскольку данное структурное образование имеет свои особенности, связанные, прежде всего, с отношениями противопоставления, оппозитивностью его единиц. Описана не только структура поля, но показан и его динамический потенциал. Так, выявлены случаи омонимии, что не противоречит структуре этнонимического поля, включающей в себя, помимо синонимии, антонимии, также явления полисемии и ее распад, приводящий к омонимизации (с. 97). Показаны процессы параллельного формирования лексем в общем процессе деэтнонимизации.

В структуре поля выделено несколько субъядер, причем, по словам автора, «выделяемые субъядра могут быть неоднородны по статусу, и, возможно, не всегда заполняемы» (с. 60, 142). Автор неоднократно указывает на лакуны в структуре поля: «Типичная для одного этнонимикона гендерная противоположность (**лат ыш / лат ышка; чухонец / чухонка** и др.) не обнаружена в другом этнонимиконе (**лит овец / ?; белорусец / ?**)». (с. 219). Однако сложно предположить, что жители Псковской области не употребляют этнонимов **лит овка** или **белоруска** — скорее, эти наименования просто не попали в поле зрения собирателей. Таким образом, проблема заполняемости ядер во многом связана с отсутствием материала, поскольку «Псковский областной словарь с историческими данными» и его Картотека, послужившие источниками материала, не исчерпывают лексический состав говоров, а специального исследования не проводилось.

Вызывает некоторые вопросы и отбор ядерных этнонимов. В начале Главы 2 автор перечисляет названия этносов, которые становятся предметом изучения: **русские, белорусы, латыши (лат вийцы), литовцы (лит ва), эстонцы (чудь, чухна)** (с. 62). При этом в выводах, заключающих данную главу,

доминирующими словами-этнонимами в структуре псковского этнонимикона признаны лексемы: **руssкие**, **латышы**, **эстонцы**, **чудь**, **чухна**; **литва**, **немцы** (с. 143). Почему этноним **белорусы** не вошел в ядро этнонимикона? Также могло бы быть интересным более полное рассмотрение этнонимов **евреи** и **цыгане**.

Во Главе 2 подробно рассмотрена важнейшая функция этнонимикона — отличие своего от чужого. Хорошо аргументирована и другая важная особенность этнонимов — их стереотипизированность, причем чем более абстрактным воспринимается этническое образование, тем сильнее пейоративные коннотации у соответствующего этнонима, что хорошо показано на примере слова **литва**. Как справедливо подчеркивает автор, «оформление этнонимов в виде собирательного существительного отражает восприятие информантом соответствующего этноса в виде некоего нерасчлененного единства, что характерно для номинации чуждого» (с. 85). Тем не менее, не всегда можно согласиться с автором относительно оппозиционных противопоставлений, выраженных этнонимами и словами, образованными от них. Так, например, на с. 79 автор замечает, что «Номинации музыкальных инструментов... также имеют антонимичные отэтнонимные образования». Во-первых, вызывает вопрос использование термина **антонимичные** (лучше сказать: оппозитивные), и, во-вторых, материал оппозиции не показывает, это просто разновидности гармоней, если они и противопоставлены, то не по производящему этнониму, а по собственно их устройству: **Тальянки стáли нискóра, а бýли рúскии ризóхи, гармónи.** Пск. С вásьмí лет начáл игрáть (на гармошке): т альянки бýли, пат óм паявýлись немéцкии. Стр., Играли на гармони: пérвъ рязóхъ звáли, пат óм гармónь, пат óм т альянкъ, мόжъ какóй ст рой, я ня знаю. Печ. (с. 79). Вообще же отэтнонимическая этнографическая лексика описана подробно и содержит ряд важных наблюдений. Согласна с автором, что хотя слово **литовка** ‘коса’, вполне вероятно, этимологически восходит к глаголу **литъ**, однако наличие отэтнонимических наименований другой утвари влияет на восприятие этого слова как именно этнономинации.

Структура этнонимического поля хорошо коррелирует с реальными этническими и культурными контактами жителей Псковщины и отражает культурно-историческую память общности, а также другие представления диалектоносителей, в частности, о наследовании национальности в случае смешанного брака. Так, в высказываниях: У няё сын уéхал у Кóмию, и сяст rá у Кóмайи ж ывётъ; с нéю мáльчик яё, латышóк. Пуст.; А Тóня-т а хóдит ивриёначка нóсит . Дед. [Русские женщины] заимéли дет éй ат кит айцэф, кит айт а павýрасли, аднí пацаны, шляпанóсье, нос у их ляпёшкай. Пуст. (с. 90) этноним, называющий чьего-л. ребенка, отражает скрытое

противопоставление национальности ребенка/его отца и матери/жены (предполагается, что национальность наследуется от отца). Таким образом, соответствующие аффиксы имеют не только значение невзрослости (характерное для общерусской модели), как это указано в работе (с. 90), но и значение, которое можно было бы назвать «патротэтнонимическим», характерное для диалектов.

Материал работы — единицы, входящие в этнонимическое поле — ярко высвечивает вопрос и о статусе современных диалектов, их соотношении с другими диалектами и литературным языком. В этом отношении вызывает интерес выражение «**Мой отец этнический эст онец**» (с. 102). Что такое **этнический эст онец** — по происхождению, но не по языку и культуре? — и почему это выражение, напоминающее скорее штамп делового языка, употребляется в речи носителя диалекта? Кроме того, влиянием литературного языка можно было бы объяснить большую или меньшую степень вариативности лексем, входящих в поле (ср. этнонимы **эст онец** и **чухна/чухня/чухно**). Лексема **русьманьский**, зафиксированная на территории Эстонии, возможно, относится к лексикону русских говоров Эстонии (а, возможно, и староверов Эстонии): **В Расеи русьманьский разгово́р, а у нас иногородцкий, зарубежный. Эст.** (с. 67). Генетически русские говоры Эстонии — это псковские говоры, но такого рода материал позволяет говорить о возможности их выделения на основе самосознания. Отмечу, что высказанные соображения показывают хорошую научную перспективу работы и возможности дальнейшей разработки данной темы.

В Главе 3 рассмотрены закрепившиеся наименования групп жителей, определенные термином **микроэтнонимы**. Данное явление, фрагментарно рассмотренное в работах многих исследователей, также требовало своего системного и терминологически определенного описания, в особенности потому, что, как показывает языковой материал исследуемой территории, выделение социально-территориальных групп внутри этноса — явление уходящее (как справедливо указывает автор, «архаический пласт псковских говоров», с. 215). Не случайно в данной главе автор рассматривает псковский микроэтнонимикон на широком диалектном фоне. Привлекает логика, согласно которой выстроена классификация анализируемых единиц в этой главе. В основу структуры этнонимикона были положены мотивационные признаки микроэтнономинаций, что позволило автору ярко раскрыть речевую презентацию традиционной культуры. Однако не совсем ясным остается место микроэтнонимов в системе этнонимической лексики (а именно так называется Глава 3), ведь классификация этнонимов и микроэтнонимов проводится по разным основаниям — хотя, безусловно, структурно они

связаны. Возможно, более четкому представлению связей могла бы способствовать визуализация данных (картина, схема). Кроме того, системные связи этно- и микроэтнонимов могут проявиться в словарных статьях: например, на слова **белорусы**, **поляки**, **русы**. Контексты, в которых функционируют микроэтнонимы, ярко отражают оппозицию «мы / они», «свой / чужой», однако встречаются ситуации, когда микроэтноним употребляется говорящими по отношению к самим себе. Существует ли какая-то связь между типом микроэтнонима и возможностью такого употребления, или подобное явление определяется ситуацией диалектной записи?

Несколько частных замечаний касаются, наверное, самого сложного аспекта лингвистических исследований — толкования семантики языковых единиц. Так, на наш взгляд, при цитировании материалов из словарей или картотек иногда лучше не повторять приведенное там толкование, а предложить свое, избегая при этом этнономинации (русáни ‘сани-финки’ Дн. КПОС, с. 75), поскольку такое толкование не раскрывает значения слова. Не всегда даны толкования лексем, входящих в изучаемое поле (хотя в тексте они выделены автором жирным шрифтом): **Пирéристы**, был явréй, а **пирикряст** и́лся в русскую вéру. Локн. (с. 82); **Кацáпский язы́к карльвы́й**, а **кацáп** чуж óе и цап. Нев. (с. 81). Кроме того, необходимо различать разные значения этнонимов в контекстах, от чего может сильно зависеть интерпретация оценочной составляющей лексем. Так, в сочетании (**бытъ**) в **нémцах** ‘находиться в заключении в немецком концентрационном лагере’: Мы как узники, т ри гóда были в нémцах. Стр. (с. 95), а также в цитатах: Эст онцы, финны, а особенно эст онцы, латыши, страшнее были немцев, вот . Порх. (с. 100); Чухны приéхали на парахóдах и саж гли фсё (с. 110) значение этнонимов — не просто ‘представители какого-либо этноса’, а ‘представители вражеской армии’, что определяет отрицательное отношение к ним. Там более, что в соответствующем разделе (2.7.1.), а также на с. 148 семантика этнонимов **немец**, **германец** описана очень последовательно, и жаль, что это распространяется не на все контексты.

Общее заключение по работе.

В целом диссертация Н.Е. Григорьевой является законченным исследованием, представляет решение актуальных задач, объединенных общим подходом. Работа написана хорошим научным языком и ясным стилем. Диссертация провоцирует научную дискуссию: по ходу чтения текста возникает множество идей, предложений, что также говорит о высокой актуальности и перспективности выбранной темы; указанные замечания не снижают значимости полученных результатов. Считаю, что данное исследование может занять достойное место в кругу исследований по

содержание диссертации. Кроме того, широкая апробация работы (15 научных работ, из них 3 статьи в рецензируемых журналах, включенных ВАК в перечень ведущих периодических изданий) показывает, что перед нами вполне сложившийся исследователь. Уровень решаемых задач соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Содержание диссертации полностью соответствует специальности 10.02.01 — Русский язык. Диссертационное исследование Григорьевой Натальи Евгеньевны является завершенной научно-квалификационной работой, которая по критериям актуальности, научной новизны, обоснованности и достоверности выводов соответствует требованиям п. 7 «Положения о порядке присуждения ученых степеней». Диссидентка, Наталья Евгеньевна Григорьева, заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 — Русский язык.

Официальный оппонент

кандидат

филологических

наук,

старший научный сотрудник

Института лингвистических исследований

РАН

Е.В. Пурицкая

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт лингвистических исследований Российской академии наук

Специальность 10.02.01 — Русский язык

Рабочий адрес: Тучков пер., 9, Санкт-Петербург, 199004

Телефон: +7911-004-06-03

Электронный адрес: purichi@list.ru

03.07.2020 г.